

Мы очень любим круглые даты, страсть как любим. И зачастую просто теряемся, когда очередной лист перекидного календаря не отмечен фразой типа: исполняется столько-то лет со дня рождения или основания, выхода в свет или свершения... Но сколько я ни перелистывал различные календари, одной даты я не нашел, а жаль. Во всяком случае, Александр Николаевич Вертинский достоин того, чтобы о его столетии хотя бы упомянули...

Вертинский. Впервые для себя я его открыл в пятнадцать лет, когда, проводя инвентаризацию антресолей, наткнулся на запыленную коробку, в которой лежали старые патефонные пластинки. И среди них одна — Вертинского. «В бананово-лимонном Сингапуре», «Мадам, уже падают листья»...

Тогда свой интерес к творчеству Вертинского я, как ни пытался, удовлетворить не смог. В музыкальной энциклопедии — всего несколько строк, радио и телевидение хранили заговор молчания вокруг имени артиста. И только воспоминания современников, мемуары самого Александра Николаевича, опубликованные уже после его смерти в журнале «Москва» в 1962 году, дали возможность составить впечатление об этом человеке.

Вертинский родился в Киеве, в семье присяжного поверенного Николая Петровича Вертинского. Родителей Александр лишился рано: матери, когда ему исполнилось три года, а отца в пятилетнем возрасте. Лидия Вертинская — жена артиста, рассказывает, что отец Саши «был довольно известным фельетонистом, в старом словаре псевдонимов его можно найти — Граф Нивер». Так что литературный талант А. Н. Вертинский, видимо, унаследовал от отца. В Киеве в 1912 году Александр в журнале «Киевская неделя» опубликовал свой первый рассказ «Моя невеста», затем до отъезда из Киева еще несколько, и среди них — «Лялька», «Папиросы «Весна». У него были очень интересные предки. Бабушка — урожденная Искра (помните судьбу Искры и Кочубея?) Доводилась ему родственницей и Гоголь-Яновская». На эстраде Вертинский впервые стал появляться в 1915 году в костюме Пьеро, исполняя свои песенки, или, как он их сам называл, «ариейки». Юрий Олеся в своей книге «Ни дня без строчки» пишет об этом периоде творчества певца так: «...ариейки Вертинского оставались все же стихотворениями на отдаленном фоне мелодии. Это было оригинально и производило чарующее впечатление... Вертинский пел тогда о городе — о том его образе, который интересовал богему: об изломанных отношениях между мужчиной и женщиной, о пороке, о преданности наркотикам... (Моя бедная девочка, кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы...). Он отдавал дань моде, отражая те настроения, которые влияли в ту эпоху даже на таких серьезных деятелей искусства, как Александр Блок, Алексей Толстой, Маяковский.

Безусловно, Вертинский уже тогда показал себя очень талантливым человеком. Успех у публики он имел огромный».

Завуалированный реверанс Юрия Олеши в сторону декадентства — «те настроения, которые влияли в ту эпоху» — конечно же, не передает полностью картины культурной жизни дореволюционной России. Да и мог ли Олеся во время, когда наша культура довольствовалась полуголодным пайком соцреализма, предписанным ей для потребления «мудрым и великим» Сталиным (а эти установки пока живут и здравствуют!), написать о декадентстве что-нибудь положительное, или хотя бы назвать его своим именем.

А между тем, российское декадентство дало мощный толчок всей мировой культуре. Но имена его наиболее блистательных представителей до сих пор находились в полузабвении именно на Родине.

Жизненный ритм Вертинского, вступившего на творческий путь, был весьма напряженным. Современница Вертинского, близко знавшая его по китайскому периоду эмиграции, Наталия Ильина так вспоминает будни своего старшего друга: «Требовалась железная выносливость, чтобы вести ту жизнь, какую вел Вертинский в Шанхае. Ни дома, ни женской заботы. Ежевечерние выступления. Бессонные ночи. Романы. Курение. Алкоголь. Пить этот человек умел: подвыпившим я его видела, пьяным — никогда...» Вот уж воистину здесь весьма уместно вспомнить Чехова, утверждавшего, что эти декаденты — здоровейшие мужики.

Октябрьская революция вызвала естественный переполох в умах прежде всего интеллигенции. Очень многие уехали, унося с собою горсть родной земли и образ «России в сердце». Сегодня мы не можем упрекать их в предательстве. Ведь люди, развязавшие террор и репрессии, повинны перед Отечеством в миллион крат больше российской интеллигенции, сохранившей-таки на чужбине традиции, по которым мы испытываем чувство ностальгии, прежде всего мы.

Среди тех, кто мучился, не понимая «куда несет нас рок событий», оказался тридцатилетний Вертинский. В 19-м году он покидает Россию, став, по его собственным словам, добровольным изгнанником. Он исколесил практически все тропы российских эмигрантов: Турция и Румыния, Польша и Чехословакия, Германия, Англия и Франция, Италия и США и, наконец, Китай. Нигде Вертинский подолгу не задерживался. Вряд ли это можно объяснить лишь склонностью «Короля русской эстрады» к перемене мест. Нет, просто он не находил себе места: без семьи, без Родины, к которой он все время тянулся... «И легко мне с душою цыганской кочевать, никого не любя...», — горько иронизировал он в одной своей популярной песенке.

Именно Вертинский, отвечая на критику наиболее непримиримых, утверждал:

И еще понять
беззлобно,
Что свою, пусть
злую Мать,
Все же как-то
неудобно
Вечно в обществе ругать.

Артист трижды пытался вернуться на родину, писал прошения в начале 20-х в Польшу, в 27-м в Берлине, когда там находился Луначарский. (Кто знает, что стало бы с Вертинским в 37-м, вернись он к тому моменту в СССР) и, наконец, уже в 42-м в Шанхае, отлично понимая, куда и когда он пытается вернуться.

В своих настроениях Вертинский был не одинок.

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст —
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Так писал Игорь Северянин в 1936 году в стихотворении «Без нас».

Сердцем тянулась домой Марина Цветаева.

Даль, прирожденная,
как боль,
Настолько родина и столь, —
Рок, что повсюду,
через всю
Даль — всю ее с собой несусь!
Даль, отделившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»

Пока же счастливый миг возвращения домой не наступил. («Милая навеки родина, счастья светлое окно»). Чтобы жить, надо есть, чтобы есть — надо работать. Эту нехитрую истину исповедует не одно поколение эмигрантов. И поэтому Вертинский работает, много и плодотворно пишет, снимается в кино, постоянно концертирует. Среди авторов его песен-новелл Блок и Есенин, Ибнер, Антокольский, Ахматова.

«КОРОЛЬ РУССКОЙ ЭСТРАДЫ»

ва. Когда трагически обрывается жизнь Есенина, Вертинский кладет на музыку посмертное стихотворение поэта: «До свиданья, друг мой...» Тот, кто слышал эпитафию в исполнении Вертинского, согласится со мной, что это не просто дань памяти погибшему поэту. Это истинное чувство глубоко сопереживающего человека.

Вертинский, находясь вдали от России, внимательно следил за всем там происходящим. Но и Россия, во всяком случае лучшие ее представители, не забывали о Вертинском. «Я хочу вспомнить мнение о нем Владимира Маяковского, не оставшееся у меня в точности, но сводившееся к тому, что он, Маяковский, очень высоко ставит творчество Вертинского... Похвала сурового судьи Маяковского — не пустяк...», — пишет Юрий Олеся.

В своем творчестве Вертинский не был эгоистом. Алла Боянова, знаменитая исполнительница русских и цыганских песен и романсов, на одном из своих недавних концертов в Москве (увы, ждала она его сорок лет с небольшим, впрочем, ровно столько же, сколько и мы с вами) рассказала о том, что Александр Николаевич был ее первым учителем и наставником, помог не только заработать на кусок хлеба, но и прославиться на весь мир.

В одном из бухарестских русских ресторанчиков, которых было тогда там великое множество, на эстраде выступала двенадцатилетняя девчушка. Вертинский не был завсегда-таем этого ресторанчика, но случилось так, что он услышал песни в исполнении маленькой певицы. Подошел к эстраде, улыбнулся, и в ответ на приветствие матери оробевшей исполнительницы, предложил свою помощь. Так Алла Боянова

оказалась в Париже, в «Русском эрмитаже», бывшем культурной Меккой всех российских эмигрантов.

Вертинский, этот «сказитель» (так называл его Шалапин), был популярен не только среди эмигрантов. В уже упомянутой мною книге Наталии Ильиной «Дороги и судьбы» мы читаем: «...из мемуаров, опубликованных посмертно, узнаем, что в Париже Вертинского слушали такие персоны, как король Густав Шведский, Альфонс Испанский, принц Уэльсский, Вандербильты, Ротшильды», а также знаменитые киноактеры. Но в то же время, «он прекрасно знал, где его настоящая аудитория, стремился к ней из Франции и из Америки... И вот очутился в Шанхае.

И я вспоминаю сейчас, как он в свои мрачные утренние часы в пустом полутемном зале «Ренессанса» читал мне стихи: «Нет, меня не пантера прыжками на парижский чердак загнала, и Виргилия нет за плечами, только есть одиночество в раме говорящего правду стекла».

Вертинский совсем не случайно оказался в Шанхае и Харбине. Здесь в то время была большая колония русских эмигрантов — сколок старой России. В Харбине существовали русские школы, даже институт. Русская колония в Китае, конечно же, не была политически однородна. Здесь кипели страсти, сталкивались крайние мнения. Были и симпатизирующие Советской России (в умах эмигрантов тогда Россия все-таки не ассоциировалась со сталинизмом), были и приветствующие создание так называемой русской фашистской партии.

Вертинскому же была нужна хоть какая-то, но российская аудитория, без нее он не мог существовать как артист.

«В 1935 году Вертинский из Америки приехал на Дальний Восток, обосновался в Шанхае и посетил Харбин... На круглых харбинских тумбах афиши: «Концерт Вертинского в зале Железнодорожного собрания...»

Мы сидели в первом ряду амфитеатра напротив сцены. Под нами рокотал партер, белый зал ярко освещен огромной люстрой... Люстра медленно гаснет, но освещается эстрада. Из-за кулис появляется высокая, элегантная, во фраке фигура, утихший было зал взрывается хлопками и вновь затихает при звуках рояля... Звучит знакомый по пластинкам голос: «Рождество в стране моей родной, детский праздник, а когда-то мой!...», «Над розовым морем вставала луна, во льду зеленела бутылка вина...» После каждой песни буря аплодисментов, я отбивала себе ладони, косилась на Катерину Ивановну, видела ее порозовевшую щеку, блестящий глаз, она хлопает, ей нравится...

«Какой актер! — говорила в антракте Катерина Ивановна. — Руки гениальные: каждая песенка — маленькая пьеса, чувствуете?» — пишет Ильина.

Гениальными руками восхищалась не только Катерина Ивановна, но и Шалапин, и Качалов. И как жаль, что нет ни одного кинокадра, запечатлевшего «поющие руки» Вертинского. «Руки! Вы словно две большие птицы...»

Деятельность Вертинского в Китае была разнообразной. В газете «Шанхайский базар», выходившей с эпиграфом Некрасова «Шить на мертвых — не трудное дело, нам желательно шить на живых!», вел «Почтовый ящик» и отделы «В своем углу» и «Все про все». Был дружен и с советскими журналистами-тассовцами, работавшими в этом городе.

Вертинский — замечательный рассказчик. Однажды он заявил Ильиной, что «не мог под утро уснуть и мгновенно слышал разговор кошек на крыше: «Марррус!» — говорил кот. «Я не Марррус, я Варрвар!» — отвечала кошка. Рассказ был длинный и смешной, но мне запомнилось лишь начало...»

Здесь, в Шанхае, Вертинский нашел свою судьбу, женился, у него родилась дочь. Насколько он был состоятелен, говорит тот факт, что в семейном бюджете не нашлось денег на коляску, порошковое американское молоко...

В 43-м году, подводя черту 25-летнего пребывания вне родины, Вертинский вместе с семьей возвращается домой.

Были многочисленные концерты на фронте, в фонды помощи детям фронтовиков, инвалидов... На заработанные деньги Вертинский покупает вагон медикаментов для фронта.

Творческая судьба артиста, кажется, складывается удачно. Он напел пятнадцать песен на пластинки, снимался в кино... Но народу, как выяснилось (кто тогда вносил ясность по всем вопросам — известно), «нужны другие песни, мобилизующие и зовущие». А посему только незначительная часть тиража пластинок Вертинского дошла до слушателя...

Но «король русской эстрады» не сломлен. По-прежнему много поет, ездит с концертами по всей стране, снимается в фильмах (за картину «Заговор обреченных» ему присуждается Сталинская премия в 1951 году), пишет мемуары... И только спустя годы, незадолго перед смертью, Вертинский обращается в Министерство культуры в свойственной ему деликатной манере с письмом, в котором спрашивает, почему не выпускаются его пластинки, неужели нет поклонников его таланта? В том же письме Вертинский прозорливо отмечает, что «в каком-нибудь тысяча девятьсот затертом году» потомки смогут оценить силу его артистического гения.

Но, увы, при жизни Вертинский не увидел ни одной своей новой пластинки, да и письмо из министерства осталось без ответа.

«Король русской эстрады» умирает в 1957 году в Ленинграде. Предсмертная болезнь его не мучила...

Имя Вертинского возвращается из забвения. По Центральному телевидению транслировался фильм о его творчестве, фирма «Мелодия» выпускает альбом из двух пластинок, возобновлена работа по изданию его книги «Дорогой длиною», в театре Эстрады Анастасия Вертинская ставит спектакль об отце — «Мираж. Дороги русского Пьеро»...

М. ИВАНЧИКОВ.